
СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-81-85
УДК 303.01+321(У 80)(045)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ: ИНТЕГРАЦИЯ МОДЕЛЕЙ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ» И «ЗОМИЯ»

Мухаметов Данияр Рустямович,
студент Факультета социологии и политологии,
Финансовый университет, Москва, Россия
mukhametovdaniyar@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется возможность построения комплексной теоретической модели изучения процессов интеграции и дистанцирования центра и регионов. Данная модель должна охватывать широкий круг факторов взаимодействия: политические институты, онтологические воззрения, экономический аспект и др. При этом принимается допущение, согласно которому онтологические представления и символические факторы являются центральными детерминантами, которые опосредуют возникновение, закрепление и последующее воспроизводство конкретных политических практик. Исходя из этого, необходимо использовать неинституциональный подход и дискурс-анализ. Цель данной работы – рассмотреть возможность построения подобной модели на основе сочетания теории «Центр-периферия» Э. Шилза и Ш. Эйзенштадта, а также концепции «Зомия» Дж. Скотта. В работе анализируются ключевые положения обозначенных теорий, потенциальные преимущества их сочетания. Предлагается использование новой модели применительно к упразднению Территории племен федерального управления в Пакистане и ее интеграции в общее политическое пространство государства. По итогам исследования формулируются выводы относительно аналитического потенциала данной модели и возможных направлений ее развития.

Ключевые слова: Центр-периферия; Зомия; онтология; политические взаимодействия; региональная идентичность; территория племен федерального управления

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF POLITICAL INTERACTIONS BETWEEN THE CENTER AND REGIONS: INTEGRATION OF “CENTER- PERIPHERY” AND “ZOMIA” MODELS

Mukhametov D.R.,
Student of Faculty of Sociology and Political Science, Financial University, Moscow, Russia
mukhametovdaniyar@gmail.com

Abstract. This paper investigates the possibility of construction of the complex theoretical model to analyse the processes of integration and distancing of the centre and regions. This model should cover a full range of factors

of interaction such as political institutions, ontological views, economic aspect, etc. There is the assumption that ontological representations and symbolic factors are the central determinants mediated the emergence, consolidation and subsequent reproduction of specific political practices. Based on this, it is necessary to use a neo-institutional approach and discourse analysis. The general objective of this paper is to examine the possibility of constructing such model based on the combination of the "Center-periphery" theory advanced by E. Shils and W. Eisenstadt and the concept of "Zomia" offered by J. Scott. The paper analyses the key provisions of these theories, the potential advantages of their combination. The author proposed to use the new model about the abolition of the Tribal Areas under Federal Administration in Pakistan and its integration into the general political space of the state. Based on the results of the study, the author concluded the analytical potential of this model and possible directions of its development.

Keywords: centre-periphery; Zomia; ontology; political interactions; regional identity; Tribal Areas under Federal Administration

Политические взаимодействия по линии центра и регионов (в широком значении обоих терминов) развиваются преимущественно в рамках исторически сложившегося набора неформальных правил и норм. Во многих случаях наблюдается существование препятствий для устойчивого взаимодействия, что объясняется различиями в культурных представлениях и политических интересах. Как следствие, инициирование интеграционных процессов сталкивается с многочисленными вызовами и трудностями, которые способны привести к непредвиденным последствиям. Исследование подобных вопросов требует разработки теоретико-методологической модели, которая принимает во внимание индивидуальные интересы и представления центра и регионов, а также способна объяснить логику их переменного сближения и дистанцирования.

Данная задача обуславливает использование нескольких исследовательских подходов и методов. Во-первых, необходимо привлечение неоинституционального подхода (Д. Норт, Э. Остром), в рамках которого институты выступают в роли формальных и неформальных «правил игры», структурирующих взаимодействия между действующими участниками процесса. Во-вторых, целесообразна импликация дискурс-анализа (Т. ван Дейк, Н. Фейрклаф, Дж. Лакофф, П. Димаджио), который позволяет оценить, в каких смысловых категориях рассматривают взаимодействие центра и периферии сами участники, выявить онтологические основания этих категорий, из которых вытекают конкретные практические реакции.

Вследствие вышеуказанных положений актуально применение нескольких концеп-

туальных моделей. Первая — модель «Центр-периферия» с фокусом внимания на символических аспектах взаимодействия ее элементов (Э. Шилз, Ш. Эйзенштадт). Вторая — модель «Зомии» — в ее рамках рассматриваются способы и стратегии, с помощью которых различные племена и народы избегают подчинения государственной власти (Дж. Скотт, В. ван Шендель). Представляется, что сочетание данных концептуальных моделей с акцентом на культурно-символических аспектах может предоставить новый аналитический инструментальный исследования вопросов политического взаимодействия центра и периферии.

МОДЕЛЬ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ»

Существуют различные теории взаимодействия центра и периферии, каждая из которых основывается на релевантных для отдельных направлений анализа факторах [1]. Для решения исследовательской задачи возможно использование нескольких подходов, фокусирующихся на факторах символического порядка.

Первый подход — структурно-функциональная теория взаимодействия центра и периферии, представленная в работах американского социолога Э. Шилза. Автор теории подчеркивает, что власть центра является фактором сохранения территориального единства и поддержания в обществе согласия по базовым ценностям, что воплощается в способности центра производить «остаточный эффект» [2], который выражается в следующем:

1) происходит сосредоточение общественного внимания на действиях центра;

2) создается убеждение в правоте властных институтов, территориально сконцентрированных в центре (легитимирующая функция);

3) у населения формируется чувство общей подчиненности единой власти в лице центра (интегрирующая функция).

Исходя из этого, сторонниками данного подхода формулируется вывод о непосредственном утверждении и воспроизводстве со стороны центра базовых культурных образцов, смысловых ценностей и стереотипов мышления, которые поддерживают представления о сакральной значимости центра для общества в целом. Каналами распространения подобных принципов становятся система образования, искусство, религиозные учения и институты и т.д.

Центр и периферия рассматриваются Шилзом как универсальные структурные элементы общества, выполняющие разные функции: центр ответственен за разработку общих принципов и программ действий, в то время как периферия должна им следовать и реализовывать их на практике. Однако в реальности схемы взаимодействия между этими структурными элементами от общества к обществу могут серьезно варьироваться от полной гегемонии центра до ограниченного подчинения со стороны периферии.

Второй подход — цивилизационный, наибольший вклад в который внес Ш. Эйзенштадт. В данном случае при анализе взаимодействия центра и периферии во внимание принимаются как политико-управленческий аспект, так и культурно-цивилизационный [3]. При этом центр рассматривается как территориально выделенный субъект, концентрирующий властные функции и привилегированное право на выработку смыслов и ценностей, которые в последующем ретранслируются периферией. Определяя это более детально, Эйзенштадт подчеркивает следующее:

1) символическое выделение центра происходит за счет расположения на его территории главенствующих политических институтов, формирования собственной системы отбора кадров и т.д.;

2) центр старается использовать различные каналы для «внедрения» в периферию, включая как формирование единого культурного пространства, так и поддержание регулярной коммуникации;

3) важно, что взаимодействие между центром и периферией не является односторонним — последняя способна оказывать влияние на центр.

Следует отметить, что принципы взаимодействия между центром и периферией в имперских и патримониальных режимах отличаются:

в первых центр практически полностью подавляет периферию и контролирует ее, в то время как в режимах второго типа периферия может обладать значительной автономией вследствие несовершенства бюрократической системы управления.

МОДЕЛЬ «ЗОМИЯ»

Термин «Зомия» был впервые введен в социальной антропологии и этнографии для обозначения территории, охватывающей пограничные горные районы нескольких стран Южной и Юго-Восточной Азии и отличающейся культурным многообразием. Сам термин «Зомия», введенный в научный оборот В. ван Шенделем, происходит от слова «ва», на бирманских языках обозначающего жителей горных районов, стремящихся к автономии от государственной власти [4]. Несмотря на первоначальное изучение именно горных народов, сегодня под термином «Зомия» понимают те народы, племена и регионы, которые намеренно формируют физическую и символическую дистанцию между собой и властным центром с целью избежать подчинения государству [5].

В данном случае целесообразно включить в модель следующую логику взаимодействий [6]. Во-первых, побег от государства совершается по разным причинам: из-за непомерно высоких налогов, постоянных набегов разбойников и мародерства, болезней и эпидемий (высокая концентрация людей на ограниченной территории способствует быстрому распространению заболеваний), из-за нежелания нести воинскую повинность, причастности к деятельности секты или инакомыслящему культу. Все эти случаи объединяет желание выйти из физического и идеального пространства государства.

Во-вторых, народы Зомии опираются на два базовых принципа — размещение и мобильность. Иначе говоря, приоритет отдается скорости и способности быстро сменить местоположение и идеологическую ориентацию. Ввиду этого народы Зомии сложно уловить и концептуально описать в отдельно взятый момент времени.

В-третьих, для политических систем «Зомии» характерен крайний эгалитаризм, политическое равенство членов сообщества. Дж. Скотт объясняет это следующим образом: для взаимодействия с племенами государства пытаются выделить среди них отдельных представителей — вождей, предводителей и т.д. Их формальное, а порой и фактическое отсутствие ограничивает воз-

возможности для контакта с племенами, ввиду чего последние достигали своей ключевой цели — избегания государственного контроля. Впрочем, это не отрицает существования у данных племен собственных властных иерархий и политических институтов.

В-четвертых, народы «Зомии» в подавляющем большинстве склоняются к профетизму и миллениаристским идеям, пророческим традициям и имеют собственные, зачастую неcodифицированные системы традиционного права. С одной стороны, это позволяет поддерживать миф об особенном предназначении племен, подчеркивает их статус и независимое положение, а с другой — предоставляет идейные основы для мобилизации населения в период восстания или освободительной войны.

ФОРМИРОВАНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ

Таким образом, сочетание модели «Центр-периферия» и «Зомия» предоставляет новую аналитическую конструкцию, которая иллюстрирует, что региональные системы могут выступать не только в качестве периферии в рамках первой обозначенной модели, но и локальной «Зомией», избравшей стратегию поддержания дистанции от центральной власти при использовании различных средств. Следует подчеркнуть, что практики отстранения от государственной власти являются следствием определенных онтологических воззрений, которые интерпретируют «государственный порядок» как стремление центра ограничить автономию и пространство личной свободы периферийных акторов: по этой причине взаимодействие центральной власти и регионов представляет собой маятниковое движение между жесткой вертикальной иерархией (метафора Левиафана) и относительно мягкой формой подчинения (метафора Бегемота)¹.

В качестве примера имплементации данной конструкции можно рассмотреть процесс интеграции Территории племен федерального управления (ТПФУ) в общее политическое пространство Пакистана. Данный регион, который по своим характеристикам может быть иденти-

фицирован как Зомия и политико-символическая периферия, имеет сложную историю отношений с существующей центральной властью с колониального периода по настоящее время. В мае 2018 г. Сенат Пакистана одобрил решение о ликвидации Территории племен федерального управления (далее — ТПФУ) как субъекта федерации с особым статусом и ее включение в состав соседнего региона — Хайбер-Пахтунхва. Стоит отметить, что пуштуны, населяющие указанную территорию, имеют устойчивые культурные категории автономии и независимости, актуальные и в настоящее время [7]: вкуче с экономическими барьерами (экономика региона имеет минимальный уровень индустриализации и представляет собой теневой сектор), внешнеполитическими угрозами (ТПФУ граничит с Афганистаном) онтологические противоречия могут привести к повышенной конфликтности интеграционного процесса.

Не менее значимыми являются и иные теоретические следствия подобных взаимодействий. Важным фактором является то, что многие развивающиеся страны относятся к разряду стран, находящихся в процессе модернизации (как политической, так и технологической). Один из центральных тезисов теории модернизации гласит, что модернизация стимулирует социальную мобилизацию, имеющую амбивалентную оценку: неравномерный доступ и распределение ресурсов позволяют некоторым группам населения повысить собственный социальный статус, одновременно ослабляя внутреннюю коммуникацию и дезинтегрируя общество [8]. Население периферии ожидаемо может оказаться среди «проигравших» от процесса модернизации и оказаться в социальной изоляции (другое дело, что они сами могут к этому стремиться). Возможен рост неконвенциональных форм политического участия и внутривластная дестабилизация.

В условиях этнической неоднородности населения выстраивание переговорного процесса между центральной властью и элитами значительно усложняется, так как ввиду отсутствия онтологического базиса неизбежно возникают стереотипные формы социальной категоризации: жители периферии оцениваются центром как «варвары» и «разбойники», центр же в глазах регионалов приобретает диктаторские наклонности и стремление подавить местное население всеми возможными способами.

Важное значение приобретают проблемы региональной идентичности: восприятие мира

¹ Обе метафоры были введены Т. Гоббсом для обозначения полярных состояний государственной власти: Левиафан отождествляется с «властной вертикалью» и порядком, Бегемот — с «приватизацией власти» и хаосом. Подробнее см.: Нойманн Ф. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944. СПб.: Владимир Даль; 2015.

и интерпретация опыта тесно связаны с пребыванием в локальной физической и культурно-символической среде. Форсированное объединение после длительного периода реального разрыва может привести к «травме» [9], которая усугубляет процесс адаптации и формирования взаимного доверия между этническими общностями.

Таким образом, сочетание моделей «Центр-периферия» и «Зомия» в единую аналитическую конструкцию помогло выделить основные проблемы взаимодействия центра и регионов. Эти

проблемы охватывают аспекты региональной идентичности, интерпретацию политических действий и вытекающих из нее конкретных социальных практик, что неизбежно влияет на процесс интеграции региона в общее политико-символическое пространство государства. Предложенная модель является примером «онтологического поворота» в социальных науках [10] и требует как возможных дополнений с учетом использования когнитивных методов, так и дальнейших практических импликаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каспэ С.И. Апология центра: о забытом методологическом ресурсе политической науки. *Полис. Политические исследования*. 2005;(1):5–24.
2. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход. Американская социология: перспективы, проблемы, методы. Осипов Г.В., ред. М.: Прогресс; 1972.
3. Эйзенштадт. Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс; 1999.
4. van Schendel W. Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia. *Environment and Planning D: Society and Space*. 2002;20(6):647–668.
5. Michaud J. Editorial — Zomia and Beyond. *Journal of Global History*. 2010;(5):187–214.
6. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство; 2017.
7. Mohammed R. Ethnic Nationalism in Pakistan: A case study of Pashtuns. *South Asia Case Studies*. 2013;3(1):34–51.
8. Дойч К. Социальная мобилизация и политическое развитие. *Политическая наука*. 2012;(2):196–226.
9. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*. 2001;(1):6–16.
10. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2012.

REFERENCES

1. Kaspe S. I. Apologia of the Center: On a Forgotten Methodological Resource of Political Science. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2005;(1):5–24. (In Russ.).
2. Shils E. Center and periphery: Essays in macrosociology. In: American sociology: perspectives, issues and methods. Osipov G. V., ed. Moscow: Progress; 1972:341–359. (In Russ.).
3. Eisenstadt S. Revolution and the Transformation of Societies. Moscow: Aspect-Press; 1999. (In Russ.).
4. van Schendel W. Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia. *Environment and Planning D: Society and Space*. 2002;20(6):647–668.
5. Michaud J. Editorial — Zomia and Beyond. *Journal of Global History*. 2010;(5):187–214.
6. Scott J. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Moscow: Novoye Izdatel'stvo; 2017. (In Russ.).
7. Mohammed R. Ethnic Nationalism in Pakistan: A case study of Pashtuns. *South Asia Case Studies*. 2013;3(1):34–51.
8. Deutsch K. Social mobilization and political development. *Politicheskaya nauka*. 2012;(2):196–226. (In Russ.).
9. Sztompka P. Social change as a trauma. *Sociologicheskiye issledovaniya*. 2001;(1):6–16. (In Russ.).
10. Brubaker R. Ethnicity without groups. Moscow: Izdatel'sky dom Vyshej shkoly ekonomiki; 2012. (In Russ.).